

НЕВЕСЕЛЫЕ РАЗДУМЬЯ

Ленинград, прав. 30. - 1989. - 6 сент.
накануне праздничного события — открытия сезона

ЕСЛИ откровенно — жить лучше и веселее, что-то не становится. Каждый день и час рождает массу вопросов, требующих немедленного решения. Суета захлестывает с самого утра, а вечером приходит отвратительное чувство напрасно прожитого дня, впуская потраченных сил, которых, увы, больше не становится. Время для репетиций Владимиров-режиссер буквально выпарывает у Владимирова — художественного руководителя.

ТЕАТР задыхается в железных объятиях хозрасчета, который в театре, я уверен, злораден. Коммерческие, так называемые малые гастроли не прекращаются ни осенью, ни весной, ни летом, ни тем более зимой. Администраторы сбивлись с ног, заключая договоры, отпирывая декорации, покупая авиа- и железнодорожные билеты. И вот уже новая группа артистов уезжает «спасать план» и прежде всего абсолютно бессмысленный показатель, оставшийся в новых условиях работы театров и дорогой разве что Госкомстату, — количество обслуженных зрителей.

Обслуженных, во какой де-вой? Любимой? Вопрос, понимаю, риторический. Да и адресовать его, очевидно, надо не начальству, а этим самым обслуживаемым зрителям. С ними бы мы нашли общий язык... А пока — снова в самолет, в залы, числом зрителей поболье. Где уж тут репетировать! Где уж тут думать о дне завтрашнем, тогда сегодняшним вдохнуть не дает. Во все века театр жил благодаря меценатству — короля или государства. Определяя театру место на рыночной площади, надо помнить, что там процветают лишь балаган.

Конечно, можно все это полагать, но как оставить коллектив без премии, без надбавок к мизерной зарплате? Да, сейчас у нас есть право платить дополнительные деньги. Но — кому сколько? День, когда эти цифры обнародуются, в театре отнюдь не праздничный. Скорее наоборот. Ведь никто не считает, что получил больше, чем заслуживает, а вот тех, кто искренне убежден, что его обделили, — как вы думаете, мало таких? И каждого по-человечески я понимаю и сочувствую...

Кстати, сочувствовать актерам стало хорошим тоном. Некоторые ленинградские критики уже года два устно и на страницах печати обливают режиссерский дех во всех смертных грехах, и прежде всего в нелюбви к актеру. Как будто без этого можно поставить хотя бы один спектакль! Только это должна быть действительно любовь, а не всепрощение, не потакание разгильдяйству, которое, как догадываются, очевидно, даже самые знающие критики, в театре еще встречается. И удивительно — критики, которые недавно упрекали главных режиссеров в деспотизме, теперь с сомнительной непосредственностью сетуют на перешедшие все гра-

ницы, внутритеатральные раздоры и натеатрически называют к твердой руке хозяина и самодержца.

Но, знаете, чувства удовлетворения тут я почему-то не испытываю. Во-первых, меня смущает, как стремительно некоторые, кто еще вчера по какому поводу говорил о демократии, сегодня начали призывать к сильной власти. А пока наши общие трудности не уменьшаются, призывы эти, боюсь, станут усиливаться. А ведь история дала уже немало трагических примеров, когда алчущая идея о необходимости порядка, попав на почву бытового сознания и умело там преломленная заинтересованными силами, приводила к диктатуре и деспотизму. Ну а во-вторых, устаешь от всего, в том числе и от необходимости постоянно что-то доказывать.

А труднее всего доказать что-либо самому себе. В прошлом сезоне мы выпустили четыре спектакля. Я поставил комедию А. Николан «Любовь до гроба», наши очередные режиссеры — О. Леваков и А. Морозов — «Когда спящий проснется» О. Ернева и «Фотофиниш» П. Устинова, а пригласивший Ю. Копылов, главный режиссер Ульяновского театра, пьесу Л. Разумовской «Медведь». Все вроде бы в порядке. Но был еще и пятый спектакль, премьера которого не состоялась. Пьеса В. Коркия «Черный человек, или Я, бедный Сосо Джугашвили» появилась на моем рабочем столе больше года назад, и все это время я не перестаю разгадывать секрет этой яркой, непривычной, не укладывающейся ни в какие драматургические каноны пьесы.

НО ЭТО-ТО как раз самое интересное! Сейчас, когда искусство сцены стоит перед потребностью обновления театрального языка, затрепанного в словотворениях производственных, политических и прочих драм прошедших десятилетий, подобные пьесы — просто находка. «Кровавый анекдот», «жирная даунада», «кошунет» — во отношении к миллионам

жертв репрессий, «освобожденные зрители от гипноза рабского преклонения перед властью» — все это не отвлеченные рассуждения, а реальные споры порой жаркие, порой ярые, которые шли у нас с актерами на репетициях. Репетициях, которые не стали пока спектаклем. Родителя ли он? Думаю об этом постоянно, думаю о том, как нелегко победить в актерах, да, наверное, и в самом себе, привычную логику бытовых пьес, противопоставить отработанным до рефлекса навыкам работы необходимость поиска новых, кажущихся сегодня парадоксальными путей. Еще я еще раз убеждаюсь, как далеко не все решает в нашем деле опыт, в каждой новой работе скрывается тайна, и никогда нельзя быть уверенным, что обязательно разгадаешь ее.

Но все это — настоящее, которое с каждым днем в часом становится прошлым. А что же завтра? Жалоб на отсутствие хороших пьес, интересного литературного материала, честно говоря, не поважаю. Во всяком случае, для нас сейчас главная проблема — проблема выбора. Новые пьесы маститых и молодых, среди которых и выделяю О. Ернева, Т. Сепларского, «возвращенные страницы» Платонова, Домбровского, Войновича, Злобин... Вот и пытаешься соединять, казалось бы, несоединимое — традиции театра, рожденные многотомными проблемами и поисками, желанье выломиться за рамки привычного, реальную потребность иметь в театре полный комплект и в то же время соответствовать высокому уровню общественной и художественной мысли. А кроме того постоянно помнить, что в труппе театра пятьдесят неповторимых личностей, и каждый имеет право на труд. Вот и раскладываем картотеку новых пьес, а пьесы в который раз не складываются! Но все же — сезон начинается, надо и ответ держать — и перед театром, и перед зрителем.

Уже идут репетиции музыкального спектакля «Кентервильское привидение» по О. Уайльду. Есть пьеса А. Галина «Группа», есть пьеса американского драматурга Э. Олба, сошедшая по почте неизвестно нашему читателю роману В. Набокова «Лолита». Завершил сезон на основной сцене постановка польского режиссера К. Бабинского пьесы К. Ружички «Полушк».

СЕЙЧАС на всех углах приходится слышать, что время наше натеатральное, что сама жизнь — съезды, митинги, забастовки — стала подлинным театром. А раз так, театру надо уйти в тень, дать, что ли, отдохнуть от себя. Умом понимаю, может быть, и есть здесь резон. Но согласившись с этим, как работать, как приходить каждый день в театр, как подниматься на сцену? А может быть, открывая завтра новый сезон, все же верить в успех нашего безнадежного дела? И тогда дело не покажется таким уж безнадежным...

Игорь ВЛАДИМИРОВ,
народный артист СССР, художественный руководитель Академического театра имени Ленсовета